

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы местной религиозной организации Свидетелей Иеговы в городе Биробиджане на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 1 и статьей 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»

город Санкт-Петербург

16 июля 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы местной религиозной организации Свидетелей Иеговы в городе Биробиджане к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации местная религиозная организация Свидетелей Иеговы в городе Биробиджане оспаривает конституционность следующих положений Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»: пункта 3 статьи 1, определяющего понятие «экстремистские

материалы», и статьи 13, устанавливающей порядок и последствия признания информационных материалов экстремистскими.

Как следует из представленных материалов, прокурором города Биробиджана в ходе проверки соблюдения антиэкстремистского законодательства было установлено, что по месту проведения собраний местной религиозной организацией Свидетелей Иеговы в городе Биробиджане распространяется брошюра «Добрая весть от Бога», изданная религиозным объединением «Свидетели Иеговы». По заявлению прокурора решением Биробиджанского районного суда Еврейской автономной области от 19 августа 2013 года данная брошюра была признана экстремистским материалом.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам суда Еврейской автономной области от 4 апреля 2014 года были удовлетворены апелляционные жалобы заявителя и религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России»: данное решение в части признания указанной брошюры экстремистской отменено, в удовлетворении соответствующего требования прокурора отказано. При этом судом апелляционной инстанции по ходатайству заявителя была назначена комплексная психолого-лингвистическая и религиоведческая экспертиза, результаты которой легли в основу апелляционного определения.

26 мая 2014 года заместитель прокурора города Биробиджана вынес заявителю предостережение о недопустимости нарушения закона, в котором сообщил, что вступившим в законную силу решением Ленинского районного суда города Владимира от 23 октября 2013 года, принятым по заявлению военного прокурора, брошюра «Добрая весть от Бога» признана экстремистским материалом и в случае распространения этого материала заявитель может быть привлечен к административной ответственности в соответствии со статьей 20.29 КоАП Российской Федерации; согласно данному судебному решению брошюра была обнаружена военным прокурором в помещении войсковой части; совместно с Управлением

Федеральной службы безопасности Российской Федерации по 27 ракетной армии проведено ее исследование на наличие признаков экстремизма.

Заявитель подал апелляционную жалобу на указанное судебное решение, а также ходатайство о восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы. Определением Ленинского районного суда города Владимира от 7 августа 2014 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Владимирского областного суда от 7 октября 2014 года, в восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы отказано. Сведений об обращении заявителя в Верховный Суд Российской Федерации в материалах жалобы не содержится.

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения, как позволяющие суду при рассмотрении заявления прокурора о признании экстремистским материалом религиозной литературы, используемой верующими зарегистрированной религиозной организации, не привлекать к участию в деле соответствующую религиозную организацию, не исключающие возможности принятия судом решения, основываясь лишь на личном восприятии соответствующей религиозной литературы отдельными людьми, а также позволяющие судам многократно рассматривать требование о признании одной и той же религиозной литературы экстремистской, противоречат статьям 13 (часть 1), 14, 15 (часть 4), 17 (части 1 и 2), 18, 19 (часть 1), 21, 28, 29 (часть 4), 35 (часть 2), 44 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 47 (часть 1), 55 (часть 3), 56 (часть 3), 118 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

2.1. В Определении от 2 июля 2013 года № 1053-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что, применяя положения пунктов 1 и 3 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», суды обязаны исходить из того, что обязательным признаком

указанной разновидности экстремизма (экстремистских материалов) является явное или завуалированное противоречие соответствующих действий (документов) конституционным запретам возбуждения ненависти и вражды, разжигания розни и пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, наличие которого должно определяться с учетом всех значимых обстоятельств каждого конкретного дела (форма и содержание деятельности или информации, их адресаты и целевая направленность, общественно-политический контекст, наличие реальной угрозы, обусловленной в том числе призывами к противоправным посягательствам на конституционно охраняемые ценности, обоснованием или оправданием их совершения, и т.п.); ограничение посредством антиэкстремистского законодательства свободы совести и вероисповедания, свободы слова и права на распространение информации не должно иметь места в отношении какой-либо деятельности или информации на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или) религиозными предпочтениями, иное означало бы отступление от конституционного требования необходимости, соразмерности и справедливости ограничений прав и свобод человека и гражданина, которое, по смыслу правовой позиции, высказанной Конституционным Судом Российской Федерации в ряде решений, сохраняющих свою силу, обращено, как это вытекает из статей 18, 19 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не только к законодателю, но и к правоприменителям, в том числе судам (Постановление от 14 февраля 2013 года № 4-П; определения от 2 апреля 2009 года № 484-О-П, от 5 марта 2013 года № 323-О и др.).

Соответственно, вопреки мнению заявителя признание судом того или иного информационного материала экстремистским не может основываться на субъективном восприятии такого информационного материала отдельными лицами – подобный вывод в силу требований Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации может быть сделан судом

только при наличии достаточного количества доказательств после их всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования в судебном заседании (части первая и третья статьи 67).

Таким образом, принимая во внимание приведенную правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, пункт 3 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», содержащий определение экстремистских материалов, не может рассматриваться как нарушающий конституционные права заявителя в указанном им аспекте.

Проверка же обоснованности вывода суда об экстремистском характере того или иного информационного материала, как связанная с установлением и исследованием фактических обстоятельств конкретного дела, не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации (статья 125 Конституции Российской Федерации и статья 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

2.2. Оспариваемая заявителем статья 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» предусматривает, что вопрос о признании информационных материалов экстремистскими, т.е. о наличии в них признаков экстремизма, определенных статьей 1 данного Федерального закона, разрешается судом по представлению прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу на основании установления и исследования фактических обстоятельств (часть вторая).

Кроме того, часть вторая статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в развитие статьи 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации определяет, что информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов. Данная норма, как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации (Определение от 22

марта 2011 года № 384-О-О), не может рассматриваться как допускающая произвольное (не основанное на законе) решение вопроса о подсудности указанной категории дел. Не регулирует она и порядок рассмотрения соответствующих заявлений прокурора – такой порядок определяется гражданским процессуальным законодательством.

При этом, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях (постановления от 23 декабря 1997 года № 21-П, от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 8 ноября 2012 года № 25-П, от 23 сентября 2014 года № 24-П и от 12 марта 2015 года № 4-П), в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений, что предполагает достижение единообразия в практике судов общей юрисдикции с помощью соответствующих процессуальных и инстанционных механизмов.

Следовательно, сама по себе статья 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» не может рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителя в указанном в жалобе аспекте.

Проверка же законности и обоснованности вывода судов о том, что права заявителя не были затронуты признанием указанной брошюры экстремистским материалом, и отказа в связи с этим в принятии к рассмотрению его апелляционной жалобы является прерогативой вышестоящих судов общей юрисдикции и также не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы местной религиозной организации Свидетелей Иеговы в городе Биробиджане, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1787-О

**Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации
Г.А.Гаджиева**

1. В силу статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» определение об отказе в принятии к рассмотрению обращения принимается Конституционным Судом Российской Федерации, когда, в частности, в соответствии с требованиями данного Федерального конституционного закона оно не является допустимым. В отношении жалобы гражданина (объединения граждан) такие специальные требования установлены в статьях 96 и 97 этого Закона наряду с общими требованиями (статьи 37–39) и сводятся преимущественно к тому, что основные права, принадлежащие лицу и гарантированные Конституцией Российской Федерации, должны быть предположительно нарушены в результате применения судом оспариваемой нормы. Одновременно статья 36 данного Федерального конституционного закона в числе оснований к рассмотрению дела по жалобе, которая отвечает требованиям допустимости, называет обнаружившуюся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемая норма.

Обстоятельства данного дела состояли в следующем. Заявитель – местная религиозная организация Свидетелей Иеговы в городе Биробиджане распространяла и использовала в своей богослужебной, миссионерской деятельности брошюру под названием «Добрая весть от Бога», изданную религиозным объединением «Свидетели Иеговы» (город Санкт-Петербург). Решением Биробиджанского районного суда от 19 августа 2013 года в порядке особого производства материал признан экстремистским по заявлению прокурора города Биробиджана; апелляционным определением суда Еврейской автономной области от 4 апреля 2014 года решение суда первой инстанции отменено и в признании материалов экстремистскими отказано. При этом в рассмотрении дела в качестве заинтересованного лица участвовал заявитель, назначалась экспертиза. Вскоре после этого решением Ленинского районного суда города Владимира от 23 октября 2013 года те же материалы были признаны экстремистскими (при этом 26 мая того же года представителю заявителя прокурором объявлено предостережение); определениями того же суда от 7 августа 2014 года и Владимирского областного суда от 7 октября 2014 года (т.е. уже после вынесения решения в пользу заявителя по его апелляционной жалобе) заявителю отказано в восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы на второе решение. При этом суды исходили из того, что оно не затрагивает прав и обязанностей заявителя, принято без его участия в деле, а потому правом его обжалования он не обладает.

Заявитель утверждает, что его конституционные права нарушены положениями статей 1 и 13 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в особенности положениями о том, что информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании заявления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу; федеральный орган государственной регистрации на основании решения суда о признании информационных материалов

экстремистскими в течение тридцати дней вносит их в федеральный список экстремистских материалов.

Аргументы заявителя (т.е. правовое обоснование его позиции) могут быть сведены к следующим тезисам: во-первых, по мнению заявителя, действующее правовое регулирование не исключает и даже обуславливает такую ситуацию, когда решение одного суда об отказе в признании материала экстремистским фактически преодолевается противоположным решением другого суда, вынесенным в связи с иным делом; во-вторых, спорное законоположение, будучи нормой специальной, не позволяет, тем не менее, определить, в каком именно процессуальном порядке должны приниматься такие решения, с тем чтобы лицо, чьи права и обязанности затрагиваются, могло осуществлять своевременную и эффективную судебную защиту.

2. Сама по себе ссылка в указанном решении на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2011 года № 384-О-О на то, что оспариваемая норма не может рассматриваться как допускающая произвольное (не основанное на законе) решение вопроса о подсудности указанной категории дел и, следовательно, как нарушающая конституционные права и свободы заявителя, не разрешает его претензии. Во-первых, фактические обстоятельства прежнего дела не вполне идентичны: тогда спорные материалы обоими судами были признаны экстремистскими, а потому трудно было бы говорить о нарушении прав заявителя в рассматриваемом аспекте; заявитель делал иной акцент, а именно о неправомерности отказа суда в передаче дела по подсудности. Во-вторых, даже если разрешение вопроса о подсудности и не является «произвольным», не исключается ситуация множественности противоречивых судебных решений, о которой говорит заявитель. Конституционный Суд Российской Федерации не дает ответа на вопрос о том, почему из двух решений именно то, которое вынесено не в пользу заявителя и к тому же без его участия в процессе (а в ряде случаев даже без проведения экспертиз), должно влечь соответствующие правовые последствия – несмотря на вступившее в законную силу решение в его пользу.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» в статье 6 устанавливает фундаментальный для правового государства принцип обязательности вступивших в законную силу постановлений федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, в том числе для всех без исключения органов государственной власти. Принцип *res judicata*, т.е. недопустимости повторного рассмотрения уже разрешенного дела, предполагает, что судебное решение, вступившее в законную силу, по общему правилу, должно оставаться неизменным и уважаться как сторонами спора, так и иными лицами – согласны ли они с этим решением или нет. Для исправления же допущенной судом ошибки существуют установленные процессуальным законом формы пересмотра судебных актов, в том числе вступивших в законную силу, инициировать который вправе также должностные лица прокуратуры (часть третья статьи 376 и часть третья статьи 391¹ ГПК Российской Федерации). Преодолению юридической силы судебного решения за счет заявления аналогичных по существу требований в различные суды (намеренно или по неведению) препятствуют существующие в законодательстве правовые механизмы, такие как разделение между судами горизонтальной подсудности (статья 33 ГПК Российской Федерации) и наделение судебного акта преюдициальным значением (статья 134 ГПК Российской Федерации). Случаи, когда эти правила нарушаются и имеют место сразу несколько взаимоисключающих судебных решений, встречаются, однако они не могут восприниматься в правовом государстве как норма. Из Определения Конституционного Суда Российской Федерации не вполне ясно, каким образом соотносятся эти общеправовые принципы и нормы с оспариваемыми заявителем положениями закона.

2.1. Во избежание такого положения вещей федеральный законодатель мог бы теоретически предусмотреть различные правовые механизмы, которые существенным образом влияли бы на оценку спорного законоположения.

Во-первых, согласно статье 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»

именно Верховный Суд Российской Федерации в качестве суда первой инстанции разрешает дела о ликвидации централизованных религиозных организаций, имеющих местные религиозные организации на территориях двух и более субъектов Российской Федерации. Такая вертикальная подсудность установлена не произвольно, а с учетом важности спора и его особенностей. Из этого косвенно следует, что вопрос о признании материалов экстремистскими (например, если они издаются или распространяются централизованной религиозной организацией) также мог бы решаться именно на общедоиндеральном уровне.

Во-вторых, согласно оспариваемому законоположению создается особый федеральный список экстремистских материалов, в который вносятся информационные материалы, признанные судом экстремистскими (части пятая – седьмая статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»), что позволяет гарантировать своего рода принцип «публичной достоверности». В то же время к решениям суда об отказе в признании таких материалов экстремистскими законодательством аналогичных требований не предъявляется.

В-третьих, одной из сторон в делах о признании материалов экстремистскими всегда выступает прокуратура, согласно статьям 1 и 4 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» – единая федеральная централизованная система органов. Законодательство могло бы предусмотреть такие механизмы взаимодействия внутри этой системы, которые исключали бы заявление одинаковых по существу требований разными прокурорами. Именно прокурор, будучи несогласным с решением суда и располагая информацией о таком решении, вправе обратиться в вышестоящую судебную инстанцию (вплоть до Верховного Суда Российской Федерации) с целью его пересмотра.

Поскольку федеральным законодательством указанные или иные, более совершенные, гарантии не предусмотрены, возникает неопределенность в отношении конституционности оспариваемых законоположений, действующих в системе правового регулирования.

2.2. В целом ряде случаев суды первой инстанции, отказывая в рассмотрении заявлений прокурора, приходят к выводу о том, что данная категория дел должна рассматриваться по правилам искового производства, что, в частности, требует от заявителя указания ответчика и его адреса; в свою очередь, суды вышестоящих инстанций обычно отменяют такие определения с указанием на то, что они рассматриваются по правилам особого производства¹, а значит, заинтересованные лица вправе сами вступить в процесс. Особых правил по обязательному извещению авторов (правообладателей), распространителей спорного произведения и иных заинтересованных лиц – даже когда они известны – законом не предусмотрено; из дела заявителя, кроме того, видно, что такие лица (не будучи собственниками изъятых материалов) не всегда признаются заинтересованными, отчего лишаются возможности обжаловать решение суда, вынесенное без их участия. Имеющаяся практика Конституционного Суда Российской Федерации, в частности упомянутое Определение от 22 марта 2011 года № 384-О-О, а также Определение от 2 июля 2013 года № 1053-О, согласно которому принятие решения о признании информационных материалов экстремистскими и одновременно об их конфискации в судебном порядке, безусловно, предполагает возможность участия в соответствующем судебном разбирательстве собственника таких материалов, в полной мере не снимает этой неопределенности.

Согласно статье 134 ГПК Российской Федерации судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, при этом заинтересованное лицо не названо стороной, а названо лишь участником процесса. В этом смысле сторона в делах о признании материалов экстремистскими, рассматриваемых по правилам особого производства, всегда едина – прокуратура в лице соответствующего должностного лица, а предмет всегда тождественен – факт наличия в одном и

---

¹ См. апелляционные определения Московского городского суда от 2 февраля 2012 года по делу № 33-2673; Московского городского суда от 18 сентября 2012 года по делу № 11-21065; Московского городского суда от 28 августа 2012 года по делу № 11-18989/12; Московского городского суда от 14 ноября 2014 года по делу № 33-45160; Кемеровского областного суда от 15 апреля 2015 года по делу № 33А-3953; Ямало-Ненецкого автономного округа по делу от 19 января 2015 года № 33-38/2015.

том же конкретном сочинении признаков экстремизма; при этом не вполне совпадают основания (обстоятельства конкретного правоотношения). Следует особо отметить, что само по себе отдельное высказывание (изображение) в отличие от законченного произведения может каждый раз оцениваться по-разному, исходя из контекста; тем самым одинаковый, на поверхностный взгляд, предмет спора может в действительности быть различным. Следовательно, такое отраслевое истолкование закона, при котором рассмотрение разными судами аналогичных требований прокуроров было бы невозможным в силу сугубо процессуальных правил, также не лишено некоторых препятствий.

С учетом изложенного и имея в виду, что сохраняется неопределенность в соответствии оспариваемых положений Конституции Российской Федерации и в вопросе о нарушении прав заявителя с учетом конкретных обстоятельств дела, прихожу к выводу о наличии оснований для принятия жалобы к производству и заявляю в связи с этим свое мнение.